

005009685

На правах рукописи

Воробьев Александр Викторович

**СРАВНИТЕЛЬНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ И РАННЕХРИСТИАНСКОЙ
ДУХОВНЫХ КУЛЬТУРАХ**

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

2 6 ЯНВ 2012

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры Государственной академии славянской культуры

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Лебедев Владимир Юрьевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Селезнёва Елена Николаевна

кандидат культурологии
Кутикова Наталья Анатольевна

Ведущая организация: Тверской государственный университет,
кафедра теории и истории культуры

Защита состоится 22 февраля 2012 года в 12 часов на заседании совета Д 212.044.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Государственной академии славянской культуры по адресу: 123480, Москва, ул. Героев Панфиловцев, д. 39, корп. 2, ауд. 208.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Государственной академии славянской культуры.

Автореферат разослан «19» января 2012 года

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат философских наук, профессор ГАСК

С.И. Бажов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях современной культурной глобализации встаёт вопрос о сравнении культурных элементов не только однотипных духовных культур, но культур разных типов. В этой связи оказывается информативным сравнение таких культур в историко-динамическом аспекте: принадлежащих к разным историческим эпохам, этносам и духовным укладам. Для древности особенно репрезентативным будет рассмотрение религиозной составляющей этих культур, определяющей их духовный облик.

В последние 20 лет эсхатологическая тематика вновь стала актуальной (напр., «проблема 2012 года», интерес к которой не может быть объяснён только обсуждением подобных тем в СМИ). На волне этого интереса актуальными становятся проблемы параллелизма эсхатологических представлений в духовных культурах древности, прародителях современной культуры.

Религия, как фундаментальный культуuroобразующий фактор, имела огромное значение в формировании духовного облика разных культур. В современных условиях расширяющегося межкультурного диалога структурный и культуролого-герменевтический анализ эсхатологических представлений древних культур, ставших базовыми компонентами современных религиозных и мировоззренческих представлений, обретает особую актуальность. Обогащение методологии современной культурологии за счет структурно-семиотических и системных методов позволяет, проводя такие сравнения, строить модели разных картин мира.

Использование структурного подхода позволяет произвести моделирование эсхатологических представлений на современном научно-методологическом уровне. Необходимость проведения именно структурного анализа определяется тем фактом, что и в современных религиозных культурах продолжает существовать признанное культурологами разделение на официально-богословские и мифологические представления, причём последние раз-

деляются на представления мистико-аскетические (зафиксированные в агиографии, духовных руководствах) и народно-мифологические (народная религиозность). Исследование того, как разные сферы религиозной культуры раннего христианства (I-IV вв.) соотносились с мифологическими воззрениями древнеегипетской религии, как происходила дифференциация этих сфер, позволит, во-первых, углубить представление о согласованном функционировании разных уровней религиозной культуры, а во-вторых, спроецировав выявленные закономерности на современную культурную ситуацию, увеличить объяснительные возможности для описания феноменов массовой и народной религиозности как составляющих современной культуры.

Степень научной разработанности темы

Проблема наличия параллелизмов в эсхатологических представлениях древнеегипетской и раннехристианской духовных культур впервые была поставлена в работах исследователей культуры XX века. Этим вопросом занимались параллельно как египтологи (например, И.В. Большаков, Г. Кеес, М.А. Коростовцев, Н.В. Лаврентьева, М. Мюллер, Н. Швец), так и исследователи раннехристианской культуры (И.В. Левит, Б.В. Сапунов, И.С. Свенцицкая, Е.Н. Соболяникова). Признание наличия таких параллелизмов ставит перед исследователем ряд вопросов – в частности вопрос о возможном влиянии древнеегипетской религиозной культуры на раннее христианство – и делает необходимым их научное решение, однако объяснения происхождения и сущности указанных параллелизмов до сих пор не существует.

Нужно отметить, что специальных исследований по сравнительному анализу представлений о загробном мире в древнеегипетской и раннехристианской религиозных культурах практически не существует (по крайней мере, в отечественной науке). Основным видом работ являются монографии и статьи, посвящённые изучению религиозного мировоззрения отдельно древних египтян и отдельно ранних христиан, зачастую рассмотренные в динамике их развития и

ангажированные марксистской методологией. Меньше трудов, исследующих особенности мифологического мышления людей в рассматриваемый период.

Большой пласт работ по культуре и мировосприятию древнего Египта представлен трудами как отечественных, так и зарубежных исследователей. Отечественные: классики – И.П. Вейнберг, М.А. Коростовцев, М.Э. Матье, С.А. Токарев, С.И. Ходжаш. Современники – А. Логинов, И.В. Рак, А.М. Самозванцев, В.В. Солкин, М.А. Чегодаев, А.С. Четверухин. Зарубежные: классики – Э.А.У. Бадж, Л. Леви-Брюль, Я. Липинская, М. Марциняк, М. Элиаде. Современники (частично это работы с оттенком популяризаторства) – Р. Бьювэл, Э. Джилберт, Р. Кларк и др.

Среди работ по изучению мировоззрения и религиозных представлений ранних христиан выделяются работы зарубежных учёных Г. Гече, К. Леви-Стросса, Э. Нюстрема, Дж. Фрезера и др. Не менее важны труды отечественных исследователей С.С. Аверинцева, И.Д. Андреева, В.В. Бычкова, Г.Л. Курбатова, И.С. Свенцицкой, Э.Д. Фролова, И.Я. Фроянова.

Проблема изучения переходных периодов культуры представлена в работах таких ученых как С.С. Аверинцев, С.И. Бажов, А.А. Богданов, М.Н. Громов, С.П. Курдюмов, И.К. Кучмаева, Ю.М. Лотман, А.А. Любищев, Э.А. Орлова, А.А. Пелипенко, О. Розеншток-Хюсси, П.А. Сорокин, Дж.А. Тойнби, Г.Л. Тульчинский, Б.А. Успенский, В. Феллер, А.Я. Флиер, О. Шпенглер.

В трактовке мифологической культуры мы во многом опирались на разработки С.С. Аверинцева, К. Леви-Стросса, М.К. Мамардашвили, М.К. Петрова, А.М. Прилуцкого, В.Я. Проппа, А.М. Пятигорского, В.Н. Топорова.

Вместе с тем очевиден факт, что в отечественной научной литературе к настоящему времени не появилось работы, в которой на должном уровне сравнительный анализ эсхатологических компонентов древнеегипетской и раннехристианской культуры был бы системно рассмотрен в культурологическом контексте. Попытка восполнения данного пробела предпринята в этом исследовании.

Среди письменных источников, используемых в работе, основными являются тексты религиозного и культового содержания, посвящённые структуре

загробного мира и человеческой души по представлениям древних египтян и ранних христиан. Важнейшими из них являются древнеегипетские «Книга Амдуат» и «Книга Мёртвых» времени Среднего-Нового царства (XXI-XI вв. до н.э.), а также «Тексты пирамид» времени Древнего царства (XXVIII-XXII вв. до н.э.). Из раннехристианской литературы в анализе используются Новый Завет, особенно Откровение Иоанна Богослова, различные апокрифы, агиографический материал (жития святых).

Научная новизна исследования состоит в том, что на базе мифологических источников и религиозных текстов в нём впервые обращено внимание на новый поход в культурологии – сравнительный анализ смысло-текстовых элементов комплекса эсхатологических представлений разноплановых религиозных культур с учётом системных связей с контекстом культуры.

В работе впервые изучается явление лиминальности (по определению Г.Л. Тульчинского¹) в духовной культуре раннего христианства, обладающей ярко выраженными чертами культуры переходного порогового типа. Также работа определяет характер влияния этой лиминальности на характер обще- и частно-эсхатологических представлений в рассматриваемый период. Эсхатологические представления двух исследуемых культур опирались на понятие «центра» и связующей оси между земным и потусторонним мирами.

В ходе исследования раскрывается:

- наличие аналогий в некоторых компонентах представлений древнеегипетской и раннехристианской культур в воззрениях на структуру невидимой части человеческой сущности, загробного пространства и конечные судьбы мира (общеесхатологические представления);

¹ Г.Л. Тульчинский называет *лиминальностью* ситуацию перехода одного состояния системы в другое, сопровождающуюся ростом деструктивности и психологической и экзистенциальной неопределенностью. Лиминальный период в культуре подразумевает смену социальных статусов, ценностно-нормативных структур культуры, самоидентичности, практик языка (семиотика) и интерпретивных практик (семиогерменевтика). (Ср.: Тульчинский Г.Л. Лиминальность // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003. С. 195). Культурный период, обладающий признаками лиминального периода мы именуем *лиминальной культурой*.

- превалирование общеэсхатологических представлений над частноэсхатологическими в раннехристианской культуре рассматриваемого периода;

- существование различных моделей интерпретации сходных эсхатологических представлений в контексте культуры мифологической и культуры теологического типа.

Положения, выносимые на защиту

1. Раннехристианская культура I-IV вв., как культура лиминального (переходного) типа, с недифференцированными до конца подтипами народной религиозной культуры и оформляющейся культуры теологической религиозности, характеризуется почти полным отсутствием канонизированных представлений в сфере эсхатологии.

2. Интерпретация эсхатологических представлений в культуре указанного периода происходит по нескольким разным моделям, одна из которой намечает становление культуры теологического типа и может быть охарактеризована как предтеологическая. Необходимость в более строгой, абстрактной и однозначной интерпретации является культурным вызовом, получающим ответ в виде оформления теологической традиции.

3. Древнеегипетские традиции в сочетании с ветхозаветными религиозными представлениями оказали заметное влияние на формирование раннехристианских эсхатологических представлений, подвергшись во многом реинтерпретации с отходом от мифологического видения мира.

4. В раннехристианский период происходит замена представлений о циклическом времени существования человека и Вселенной на линейные, что задает иные культурные парадигмы интерпретации религиозных представлений и является элементом становящейся культуры теологического типа.

5. Компоненты древнеегипетских представлений о структуре загробного мира и структуре человеческой природы имели компаративную идентичность с культурными элементами, участвовавшими в формировании раннехристианской культуры, как культуры переходного типа.

6. Тема эсхатологических представлений, получившая детальную разработку в раннехристианской культуре, формировалась наряду с ветхозаветной традицией на основе реинтерпретации и качественной переработки сюжетов и образов нескольких древневосточных культов и, в частности, древнеегипетской религии.

7. В раннехристианский период оформляются основные черты народной религиозности² (сохранившей тяготение к более старой мифологической культуре) и рациональной культуры теологического типа, что, в силу культууроформирующей функции религии, породило и два подтипа новой христианской культуры, как западной, так и восточной.

8. Последующая теологическая оценка и канонизация текстов, имевших хождение в семиосфере раннехристианской культуры (включая выделение апокрифов) происходила с учетом присутствия в последних элементов мифологической культуры, в том числе в ее гностическом варианте (многочисленные апокрифы гностического происхождения).

Объектом исследования являются эсхатологические представления в древнеегипетской и раннехристианской духовных культурах.

Предметом исследования является сравнительно-структурный анализ статуса параллелизмов в эсхатологических представлениях древних египтян и ранних христиан, способов интерпретации представлений о структуре и основных составляющих загробного мира, человеческой души и её посмертного существования в контексте меняющейся культуры (смены типов духовной культуры, инициированной сменой религии).

Цель исследования состоит в выявлении параллелизма некоторых элементов древнеегипетской и раннехристианской эсхатологии, в частности пред-

² По мнению В.Ю. Лебедева и А.М. Прилуцкого «присущая каждому историческому периоду своеобразная «народная» религиозность всегда противостоит официальной теологии, следовательно о ней можно говорить, как об автономной религиозной системе, «которая зачастую находится в состоянии скрытого, а иногда и выраженного идейного противостояния официальному исповеданию» (Цит. по: Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. Тверь: ГЕРС, 2010. С.32).

ставлений о структуре загробного мира, человеческой души, о её загробном пути и потустороннем существовании.

Задачи исследования.

1. Анализ культурного статуса параллелизмов в эсхатологических представлениях древнеегипетской религии и раннего христианства в рамках наиболее распространенных культурологических парадигм современной науки.

2. Выявление структурных особенностей культуры раннего христианства и степени представленности мифологического мышления в разных сферах этой организации.

3. Анализ основных черт древневосточного мифологического сознания и схожих элементов в космологических, космогонических и, в частности, эсхатологических представлениях мифологий древневосточных культур, частью которых и являются древнеегипетская культура и раннее христианство.

4. Характеристика роли ветхозаветного иудейского мировоззрения в становлении раннехристианских представлений о структуре Вселенной и судьбе человеческой души.

5. Определение наличия сближающихся базовых элементов (структурных точек) мировоззрений древних египтян и ранних христиан в понимании эсхатологического пространства, т.н. «вертикальной» и «горизонтальной» структуры Вселенной.

6. Выявление параллелизма ряда представлений о структуре человеческого естества, о посмертной судьбе души человека и представлений о конечных судьбах мира в двух культурах.

7. Обнаружение разных интерпретационных моделей для схожих элементов эсхатологических представлений в контексте мифологической культуры и культуры теологического типа.

Проблемой исследования является анализ схожих компонентов эсхатологических представлений раннехристианской и древнеегипетской религиозной

культур в их системных отношениях к типологическим особенностям культурного контекста (мифологическая культура, культура теологического типа).

Гипотезы исследования:

1. Особенности вертикальной и горизонтальной организации эсхатологических пространств базируются на представлениях о структурном подобии трёх основных миров Вселенной по представлениям древних культур.

2. В раннехристианский период в канонической и народной религиозности произошло смещение акцентов с интерпретации эсхатологических образов в рамках мифологической культуры к интерпретации рационально-теологической.

Методологическая основа исследования

В исследовании используются такие методологические подходы, как сравнительный историко-культурный, структурно-функциональный (системный), структурно-семиотический, герменевтический и динамический. В этой связи возникла потребность в применении следующих исследовательских методов: как специально-культурологических, так и общенаучных. К специальным относятся: сравнительно-культурологический (выделение устойчивых структурных образований), компаративный (определение степени сходства и различия между изучаемыми явлениями), системно-структурный (выявление устойчивой структурной организации пространства эсхатологических представлений), текстологический (сравнение совпадений в текстовых фрагментах), метод моделирования (сравнение взаимосвязанных явлений разных планов), культуролого-герменевтический метод (выявление интерпретационной парадигмы, обусловленной характером культурного контекста). В порядке использования структурно-семиотического метода представлено моделирование структур эсхатологических представлений разных культур с помощью структурных формул по В. Проппу – К. Леви-Строссу.

Специфика исследования делает обоснованным применение *комплексного подхода* к сопоставлению эсхатологических представлений древних египтян и

ранних христиан с рассмотрением их как в статике (вертикальное и горизонтальное устройство загробного мира), так и в динамике (загробное путешествие души и общеэсхатологические представления) с помещением в рамки конкретного, исторически складывающегося культурного контекста, включая лиминальную ситуацию смены культур. Кроме того, в структуре основной части работы использован проблемный метод проведения исследования, т.е. дедуктивное движение от общего к частному. «Общим» являются исследованные в первой части работы общие тенденции в представлениях древневосточных народов о загробном мире, а также обзор основных концепций объясняющих причины и статус параллелизмов в эсхатологических представлениях. Сужает круг вопросов изучение раннехристианских представлений о вертикальной и горизонтальной структуре эсхатологического пространства на фоне сравнения с аналогичными древнеегипетскими представлениями. Завершает работу сравнительно-культурологический анализ раннехристианских и древнеегипетских представлений о посмертном существовании человеческой души в потустороннем мире с культурологической интерпретацией общеэсхатологических представлений двух духовных культур.

Теоретическая и практическая значимость исследования

1. Результаты данной работы могут быть использованы в кросскультурных и религиоведческих исследованиях, направленных на установление конструктивного диалога между представителями различных культур.

2. Научные выводы данного исследования могут быть использованы при преподавании истории мировой культуры, теории культуры, в лекционных курсах и семинарах по религиоведению, философии, социологии, социологии культуры, культурной антропологии и др., а также при разработке образовательных программ и курсов общеобразовательной и высшей школы, например: «Культура Древнего мира», «Основы религиозной культуры», «История религий» и др.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры теории и истории культуры Государственной академии славянской культуры.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора.

Основные результаты исследования представлялись в докладах на научно-практической конференции РГСУ «Мировоззренческие универсалии как фундаментальное основание образования» (Клин, 25.10.2010), на Международной герменевтической конференции, организованной Тверским госуниверситетом (Тверь, 2010), на выступлениях в ряде семинаров, организованных секцией культурологической семиотики Российского философского общества: «Актуальные вопросы семиотической типологии культур» (Тверь, 2010), «Универсалии религиозного сознания» (Тверь, 2010), «Религиозный праксис в современном мире» (Тверь, 2010), «Семиотика конца в современной культуре» (Тверь, 2011).

Материалы, представленные и проанализированные в этой работе, а также сделанные в ней выводы и обобщения, используются в преподавании теории и истории мировой культуры на кафедре социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

Во **Введении** обоснована актуальность исследования, раскрыты основания выбора его темы, объекта и предмета, осуществляется анализ степени разработанности темы, формулируются цели и задачи диссертации, определяется избранная методология, излагается исследовательская гипотеза и основные положения, выносимые на защиту. В соответствии с этим раскрывается новизна работы, отмечается её практическая значимость.

Глава I «Общие тенденции развития представлений о загробном мире в архаических культурах Древнего Востока» посвящена анализу мифологических систем древности, вопросам происхождения и эволюции представлений о загробном (потустороннем) мире.

Каждой культуре свойственны традиции, сложившиеся в ней на протяжении многовекового развития. Являясь одним из способов трансляции культурного наследия, воспроизводства социальных и культурных отношений, они представляют собой убедительную репродукцию как прогрессивных, так и регрессивных его черт. Именно к таким традициям принадлежат и традиции, связанные с представлениями о загробном мире. Исследование религиозных представлений как части культурной системы проливает свет на культурное сознание, культурное поведение, и на разнообразные феномены религиозной культуры и вполне осязаемые социальные и общекультурные последствия этих взглядов и практик.

В первом параграфе «Проблемы параллелизма культур в современной науке» анализируются основные концепции статуса и причин параллелизмов в древних культурах, рассматриваются особенности мифологического сознания человека Древнего Востока и вопросы происхождения различных мифологических представлений в соотношении с изменениями религиозных взглядов.

Многообразие существующих сегодня в мире философских и научных определений *культуры* не позволяет сослаться на это понятие как на наиболее очевидное обозначение объекта и предмета культуры и требует более чёткой и узкой его конкретизации. Так, например, специалисты по теории культуры А. Крёбер и К. Клакхон проанализировали свыше ста основных определений культуры. Ещё А. Белый серьёзно пытался осмыслить культуру как категорию: «Культура всегда есть культура какого-то „Я“». А. Блок считал, что вне культуры нет жизни, нет и гармонической, разносторонне прекрасной личности – «человека-артиста», которому, по Блоку, принадлежит это будущее. Й. Хёйзинга говорил о тесной связи истории и культуры: «История – это духовная форма, в которой культура отдаёт себе отчёт о своём прошлом». Под культурой в данном контексте понимается культурное сообщество, например нация, племя, государство. Согласно Хёйзинге культура может быть монолитной, а может разделяться на различные субкультуры. У К. Леви-Стросса значение понятия «куль-

тура» приближается к понятию «общество» у его предшественников из французской социологической школы.

У исследователей культуры, антропологов и философов на сегодняшний день сформировались детально разработанные социокультурные теории происхождения культуры, в свете которых может решаться вопрос о причинах появления культурных параллелизмов (теория эволюционизма, цивилизационные теории, теория структурного функционализма и др.).

Структуралистские и иные семиотические подходы к культурным явлениям как к «текстам», несущим социально значимую для членов сообществ информацию, могут быть совмещены с эволюционистскими и функционалистскими принципами. Одна из основных особенностей этого подхода – центральное положение в исследовании культурной статики. В рамках структурно-семиотической методологии создана концепция культуругенеза А.А. Пелипенко, рассматривающая историю культуры как результат усложняющихся трансформаций, начавшихся с простейшей бинарной оппозиции, возникшей из первичного мифоритуального синкретичного единства. Именно бинарное видение мира характерно, по А.А. Пелипенко, для монотеистических религий.

На сегодняшний день в современной науке представлены несколько концепций, позволяющих объяснить параллелизмы в древних культурах: теологический, феноменологический и герменевтический, диффузионистский, мифологический, диатропический, которые могут комбинироваться друг с другом. Этому способствует происходящее в XXI веке сближение научных школ различных направлений. Функциональный подход, т.е. описание и объяснение функционирования параллелизмов в контексте той или иной культуры с объяснением специфики такого культурно обусловленного функционирования, представляется в этом плане максимально культурологичным и соответствующим потенциалу современной культурологической мысли и задачам представляемой работы.

Во втором параграфе «Типы культур и культурнообусловленная интерпретация эсхатологических образов» даны общекультурологические основания для интерпретации эсхатологических образов, находящихся в разных культурах.

Культурный период, рассматриваемый нами, обладает признаками лиминального (переходного) периода и является *лиминальной культурой*. Г.Л. Тульчинский определяет лиминальность как стадию перехода от одной системы к другой. П.А. Сорокин фактически говорит о лиминальности, описывая ситуацию культурного кризиса, сопровождающуюся мобилизацией духовных сил общества. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, создавая концепцию моно- и полистилистических культур, фактически описали семиотический аспект лиминальной культуры, которой присущ полистилизм. Последний представляется в контексте нашего исследования особенно важным, поскольку он характеризует семиотику лиминальной культуры.

Раннехристианская культура во многом обладала чертами лиминальной культуры. Для неё характерны, например, несформированность классической богословской традиции, слабая и подвижная ролевая и статусная дифференциация в христианской среде.

Окончание лиминального периода можно датировать IV веком – становлением зрелой патристики (и соответственно, интеллектуальной богословской элиты); началом эпохи вселенских соборов, обретших право догматического суждения; закреплением за высшей церковной иерархией права окончательных суждений, в том числе по вопросам истинности. Наступил культурный синтез античной рациональности и иудейского монотеизма, явленный в патристике как фундаментальном культурном явлении, далеко выходящем за рамки богословия.

Присущая каждому культурному периоду своеобразная «народная» религиозность зачастую противостоит официальной теологии, следовательно, о ней можно говорить, как об автономной религиозной системе, «которая зачастую находится в состоянии скрытого, а иногда и выраженного идейного противо-

стояния официальному исповеданию»³. Такое противостояние имеет статус культурной универсалии, а не частного случая, наблюдавшегося в раннехристианской культуре. Рассматриваемым в данной работе мифологическому и теологическому типам религиозности соответствуют два подтипа одной религиозной культуры.

Теологию можно определить как систематизированное догматизированное (предполагающее оперирование абстрактными понятиями, а не образами) изложение знаний о Божестве в той мере, в какой такое знание оказывается возможным. Это влечёт не только абсолютную необходимость ряда рациональных процедур (подготовленных в значительной степени в горниле культуры античной) и определённой методологии, но именно особого типа культуры, который будет ориентирован на такое познание как культурную ценность и будет обладать механизмами поддержки, культивации и трансляции такого знания. Такую культуру мы называем *культурой теологического типа*, противостоящей *мифологической культуре*, ориентированной исключительно на нерационально-образное познание мира.

Символизм мифа восходит к дознаковому мировосприятию, а записанный миф трансформируется в аллеорию (развернутую метафору). Для нас особенно важно, что «переход от мифологии к теологии как правило осуществляется не в рамках существовавшей ранее религиозной традиции, но является сменой религии» (А.М. Прилуцкий), что сопряжено, в силу культуурообразующей функции религии, с *культурной и социальной трансформацией и переориентацией*.

В третьем параграфе «*Особенности представлений об устройстве земного и загробного мира в отдельных древневосточных культурах*» дана характеристика общих черт и особенностей мировосприятия крупнейших культурных центров древнего Востока, специфика представлений древневосточных людей об эсхатологическом пространстве, о посмертной судьбе души (или нескольких душ) человека.

³ Цит. по: Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семнозис и семнодинамика теологических и мифологических знаковых систем. Тверь: ГЕРС, 2010. С.32.

Большинство представлений народов Древнего Востока об устройстве Вселенной и о загробном существовании души имеют *схожие структурные элементы*, что было связано с особенностями господствовавшего тогда мифологического мышления.

В древневосточных мифологических системах со сложными представлениями об устройстве загробного мира, как правило, выделяется такая особенность: строгое соответствие структуры небесного мира – земному, земного – подземному (все небесные образы проецируются на земле, а подземный мир – перевёрнутый небесный, т.е. его антипод), изоморфизм вселенной, понятой как совокупность всех миров. Однако типично мифологический онтологический изоморфизм в монотеистической религии древних иудеев неизбежно стал *трансформироваться* в представления о принципиальной иномирности потустороннего, а соответствующие мифологические элементы постепенно становились аллегориями, скорее условными обозначениями того, что онтологически совершенно чуждо посюстороннему миру. Только на этапе культуры теологического типа представления об онтологическом различии миров окончательно примут догматико-теологический характер. При этом не все, но многие древневосточные культуры уже начинают противопоставлять обитателей небесного и подземного миров, как носителей доброго и злого начал.

Наряду с общими чертами, характерными для всех древневосточных религий и мифологий, весьма отчётливо наблюдаются и специфические черты каждой из рассмотренных культур. В частности, можно найти различия в представлениях разных народов об устройстве Вселенной. Некоторые авторы объясняют это, прежде всего, спецификой окружающей человека природы, особенностями ландшафта (наличием горных и водных преград, рельефом), климата, животного и растительного мира, удалённостью от культурных центров других народов. На наш взгляд, основная причина лежит в специфике менталитета, т.е. сугубо культурной сфере, в характере семиотизации реальности. Так, представления об исключительности и особенности положения (например, в центре мира) того или иного народа, его «богоизбранности» рождались в условиях длительной

культурной изоляции (Китай, Индия) или специального противопоставления своей культуры другим (как в иудаизме под действием концепта божественной избранности), то есть пространственное положение семиотизировалось в культурном порядке.

На фоне целого ряда древневосточных религий особо контрастно выделяется раннеиудейская культура и ветхозаветное мировоззрение. Самая большая и самая важная особенность ветхозаветного мировоззрения – его необычность, отличие от других мифологий и представлений о мире других древневосточных культур – заключается в том, что иудаизм шагнул на качественно новый уровень миропонимания и инициировал новую культурную традицию. Ветхозаветная мифология – это не столько мифология космоса, т.е. устройства, организации мира, свойственная большинству мифологических систем, сколько мифология истории народа; ее ориентация персоналистична, поскольку основана на идее диалога Бога с Его народом. Заимствовав и переосмыслив ряд мифологических представлений других древневосточных культур о мироустройстве, ветхозаветная традиция способствовала формированию качественно новых представлений об окружающем мире, а также о связи и взаимодействии земного и потустороннего, об устройстве загробного мира и посмертного существования души. При этом сильнейшее влияние на ветхозаветные представления оказала религия ближайшего культурно-религиозного центра Древнего Востока – Египта, элементы мировоззрения которой отчётливо видны во многих памятниках культуры раннего христианства.

Лиминальность раннехристианской культуры создавала дополнительные возможности для проникновения в сферу её религиозности разнородных по сути представлений, в том числе эсхатологических представлений соседних древневосточных культур.

Глава 2 «Сравнительно-культурный анализ структуры загробного мира по древнеегипетским и раннехристианским представлениям» сфокусирована на сравнении представлений периода фараонов об организации эсхатологического пространства с аналогичными раннехристианскими воззрениями.

ми. В этой главе производится исследование представлений о структурном подобию основных миров Вселенной в древнеегипетской и раннехристианской культуре.

Период раннего христианства (I-IV вв.) характеризовался смещением и конкуренцией разных культурных традиций, формированием новых этносов, расширением границ большей части цивилизованного мира в рамках сверхмощной державы – Римской империи. Новая религия не строилась, как все прежние религии, по этническому принципу – она изначально имела «наднациональный» характер. Письменные источники раннего христианства формировались усилиями большого числа авторов из различных стран средиземноморского бассейна, однако наибольшее влияние среди них имели представители греческой и контактировавшей с ней иудейской интеллигенции, связанные с крупнейшим центром науки и культуры того времени – египетской Александрийской библиотекой. Отсутствие в данный период сформировавшейся и получившей официальную санкцию Церкви богословской традиции не позволяло чётко дифференцироваться таким формам религиозного сознания как народная и теологическая религиозность. Кроме того, именно этот период стал началом радикального размежевания с гностицизмом, предлагавшим не только иной вариант религии, но и иную модель культуры. Всё это подчеркивает облик раннехристианской культуры как культуры переходного периода.

Религия древнего Египта, напротив, представляет собой классический вариант развития в рамках традиционной культуры мифологического типа. Важной особенностью этой религии, как, впрочем, и других древневосточных религий, является допустимое параллельное существование разных равноправных толкований, вариантов одного и того же мифологического образа. *Мифологическое* мышление, в отличие от *теологического*, не пользуется процедурами верификации разных версий понимания одного предмета или представления и легитимации определенной интерпретации. Вместе с тем основными признаками египетской мифологии являлись синкретичность (неразделенность сознания носителя культуры, продуцирующей данные мифы), аморфность и склонность

к сохранению традиции (как ядра культурных ценностей) при постоянной эволюции, модернизации этой традиции.

В первом параграфе «Вертикальная структура эсхатологического пространства как компонент древнеегипетской и раннехристианской духовной культуры» дан сравнительный анализ религиозных представлений древних о соотношении и взаимодействии основных частей видимого и невидимого мира – того, что мы теперь подразумеваем под понятиями «земля», «Ад» и «Рай», опирающегося на понятие «центра» и связующей оси между различными мирами.

В духовной культуре древнего Египта, в отличие от раннехристианской и иудейской, имелась детальная проработка идей единства и бесконечности Вселенной, подробная топография миров, подробная космология и космогония. Это связано с *динамичностью восприятия пространственного мира в мифологическом типе культуры*, с отсутствием в её рамках представлений о линейном времени, что является основанием для идеи вечности, в которой пребывает уже данный человеку мир; сама структура мироздания ощущается как ещё незаконченная, формирующаяся, вращающаяся вокруг некой сакральной оси, «центра мира». Однако в целом космогоническое мировосприятие доминирует над космологическим.

Существенным отличием христианского мировоззрения является установка на «конечность» земной составляющей Вселенной. *Замена циклического существования Вселенной линейным* является не только новаторской, но и наиболее характерной особенностью христианской культуры, хотя отчётливую теологическую форму она приобретет только в линеаристской историософии Августина, бывшей одновременно и экклезиологией, а затем и в христианской культуре в целом. В I – II веках происходит становление этого линеаризма, и более распространенным является преемственное от иудаизма экзистенциально-персоналистическое отношение к истории, когда вопрос о длительности, направленности и конфигурации исторического процесса просто не оказывался

первостепенным и требующим детальной проработки перед лицом *факта* пришествия Мессии.

Основным представлением, характерным как для египтян так и для христиан было представление о *троичности* вертикальной структуры Вселенной: существовании небесного, земного и подземного мира, а также об их непосредственной связи. Возможно, что идея параллельного существования земного и загробного миров, а также одновременности событий на земле и на небе (под землёй), была воспринята ранними христианами из древних религий именно через древнеегипетскую религию, так как большинство раннехристианских произведений с упоминаниями на эту тему происходят именно с территории Египта. Однако, будучи оригинальной, раннехристианская религия не ограничиваясь простыми заимствованиями, активно перерабатывала их, сообщая иную интерпретацию. В рассматриваемый нами период имеется как минимум две линии такой интерпретации: «протодогматическая», или раннеортодоксальная, и собственно гностическая, отразившаяся в многочисленных апокрифах.

Определённые параллели представлений ранних христиан и древних египтян прослеживаются в понимании *формы* и *материала*, а также *ориентации* небесного и земного миров. Однако, при анализе раннехристианских текстов необходимо учитывать метафорический характер повествования, который позднее полностью утвердится в культуре теологического типа. Раннехристианские произведения представляют во многом упрощенный, по сравнению с древнеегипетским, вариант космографии и топографии различных вертикальных пространств миров Вселенной, оставив детальной лишь проработку их горизонтальной структуры.

Во втором параграфе «Горизонтальная структура эсхатологического пространства как компонент духовной культуры древних египтян и ранних христиан» выявлены параллели в сравниваемых в ходе работы представлениях древнеегипетской и раннехристианской культур о взаиморасположении отдельных регионов каждого из слоёв (миров) потустороннего пространства. Этот

анализ опирается на присущее древним мифологическое *понятие идентичности* горизонтальных структур трёх основных компонентов Вселенной – небесного, земного и подземного миров.

Эсхатология и эсхатологический компонент культуры в собственном смысле развивается там, где появляются размышления о решении личных и вселенских судеб в некоей абсолютной перспективе. Особая роль в разработке влиятельной традиции индивидуальной эсхатологии принадлежит культуре древнего Египта, а в создании парадигмы всемирной эсхатологии – культуре древнего Израиля и позднейшей культуре иудаизма, сформировавшего в итоге специфическую культуру, основанную на монотеистической религии.

Древнеегипетская мысль, напряженно работавшая над проблемой смерти и личного бессмертия, поняла загробную жизнь как положительное бытие, по своей конкретной наполненности никак не уступающее земной жизни, однако в отличие от неё стоящее под знаком окончательной стабильности и потому несравнимо более важное. Жизнь во времени должна служить только приготовлением к жизни в вечности. Бесповоротное решение судеб души («Ка», бестелесно-телесного двойника) осмысляется в плане морально-религиозном как суд над ней перед престолом загробного бога Осириса: человек должен принести отчет за всю свою жизнь, а его сердце взвешивается на весах вместе с «правдой» как эталоном. При этом «отрицательная исповедь» становится магическим актом, а не констатацией реального морального состояния.

По несколько другому пути идет библейское культурное мышление, сосредоточенное не на судьбах индивида, а на судьбах «народа Божия» и всего человечества, на религиозном осмыслении всемирной истории как процесса, понятого финалистически и телеологически, направляемого личной волей единого Бога. Артикулируемая позже индивидуальная эсхатология до конца вписывается в контекст эсхатологии всемирной, ибо наступление «будущего века» окажется временем воскресения прежде умерших праведников. Вобрав в себя традиции развивавшегося параллельно библейскому мировоззрению осмысления истории в зороастризме, послебиблейская апокалиптика кумрано-

есейского типа интерпретирует эсхатологическое время как окончательное разделение между добром и злом и победу первого над вторым.

Христианская эсхатология выросла на основе библейски-мессианского, динамического и финалистического понимания движущейся к концу священной истории, которое оказалось выведено из этнополитического контекста «народа Божьего по плоти» к горизонтам «вселенским», всечеловеческим, и обогащено мотивами *эллинистического межкультурного синтеза*.

Сложная эсхатология Нового Завета могла выражать себя лишь в многозначных притчах и символах, используя традиционный *культурный язык*. Однако культура раннего христианства представляет собой своего рода «плавильный котел», где происходила борьба и взаимодействие нескольких религиозно-культурных тенденций. Под сильным влиянием гностицизма в ряде апокрифов, легенд и видений появляется детализированная картина потустороннего мира.

Раннехристианская концепция внутренней структуры загробного мира оказалась во многом полиинтерпретативной и краткой именно из-за необычайно короткого времени её формирования: за несколько веков христианской эры было проделано то, для чего древним религиям требовались многие столетия и тысячелетия. Все упоминания структуры загробного мира в раннехристианских источниках можно разделить на три обширных смысловых блока: 1) описание дороги в загробный мир; препятствия, которые встречаются умершему на этом пути; 2) описание особенностей Рая; 3) описание особенностей Ада.

В древнеегипетской культуре имеются многочисленные описания древнеегипетского потустороннего мира Дуата, а конкретнее – его региона Сехет Иару (Секхет Иару, Поля Иалу, или «Поля камыша»). Уже в «Текстах пирамид» эпохи Древнего царства топоним потустороннего мира – *сехет иару* – обозначает некое место в восточной части неба, куда стремится добраться умерший царь при помощи «перевозчика поля камыша». Вместе с тем, Евангелия не содержат никакого описания, а уж тем более детального структурного анализа потустороннего мира – Рая и Ада. Косвенные упоминания имеются в канонических Откровении Иоанна Богослова и Посланиях апостолов. Зато апокрифиче-

ские произведения раннехристианского периода, связанные с гностической субкультурой, находятся значительно ближе по полноте, сюжету и стилистике к древнеегипетским (т.е. языческим) аналогам (в некоторых случаях первоисточникам), чем современные им тексты, признанные впоследствии каноническими, отражавшими монотеистическую религию трансцендентного и более соответствовавшими интерпретации в рамках культуры теологического типа.

Представления о загробном мире древних египтян и ранних христиан имеют некоторое количество аналогий. К тому же большинство дошедших до нас раннехристианских текстов имеют происхождение с территории Египта – мощного культурного центра древнего Ближнего Востока. Следовательно многие религиозные представления древней египетской культуры (в частности о структуре загробного мира) могли стать основой для соответствующих представлений формировавшейся христианской религии. Однако, по мере развития христианской культуры эти представления получали иную, специфическую, отличную от предыдущей интерпретацию, соответствующую данному типу культуры.

С окончательным формированием культуры теологического типа христианские воззрения на устройство Рая и Ада отрефлектировались и обрели рационально-концептуальные черты, постепенно усложняясь и приобретая всё большую детализацию. Если в первых священных книгах христиан – Евангелиях, Откровении Иоанна и посланиях апостолов – о загробном мире есть лишь небольшие намёки, то к началу V века – в творениях святых отцов, а также в многочисленной как признанной Церковью, так и апокрифической литературе (агиографии, «мытарствах» и апокалипсисах) – появляются обширные повествования о путешествиях души в загробных мирах, подчас с многочисленными подробностями устройства Вселенной, отдельных её частей и описанием обитателей этих миров.

Древнеегипетская концепция загробного мира была существенно иной. Даже структурные параллелизмы получили совершенно иную интерпретацию в разных культурных контекстах. Потустороннее пространство представляло из

себя более сложную, чем у христиан, структуру с огромным количеством вертикально и горизонтально расположенных миров, а переход души по ним определялся во многом магическими ритуалами, а не собственно личной праведностью или неправедностью.

Глава 3 «Представления о загробном существовании души по древнеегипетским и раннехристианским представлениям: культурологическая интерпретация» раскрывает параллели в представлениях о структуре загробной сущности души человека и о судьбе души непосредственно после смерти и о судьбах мира в конце времён (общеэсхатологические представления).

В первом параграфе «Анализ представлений древнеегипетской и раннехристианской духовных культур о структуре человеческого естества и загробном существовании души» демонстрируются аналогии в путях достижения душой человека после смерти потусторонних миров.

Раннехристианские представления о структуре нетелесной составляющей человека довольно кратко переданы в текстах Нового Завета. Новозаветная культурная традиция не отошла принципиально в понимании структуры невидимых частей человека от древней иудейской, а период рациональной теологической рефлексии наступает только в IV в. Авторы Нового Завета пользуются только двумя полисемантическими терминами: «дух» и «душа», и их конкретное содержание необходимо определять, исходя из контекста. По мере развития христианской культуры, оформления теологии, менялся контекст употребления этих терминов. Однако, в раннехристианской культуре переходного (от мифологической к культуре теологического типа) типа термины «душа» и «дух» часто четко не дифференцировались, что приводило к взаимному замещению этих лексем и, как следствие, различным вариантам представлений о структуре человеческой природы.

Общим для всех раннехристианских мыслителей было противопоставление души и тела (материального и нематериального) и исходящее из этого противопоставления представление о человеке как о сложной структуре, включающей материальные и нематериальные элементы. В частности, имела место

трехчастная, тернарная структура: «Дух – Душа – Тело». Однако встречались и бинарные структуры (Душа – Тело) и более сложные. Египтяне выделяли несколько духовных сущностей. Причём в виду внетеологического характера древнеегипетской религии систематизации и уточнения этих взглядов не произошло, так что существует несколько версий этой антропологии. Однако, несмотря на серьёзные противоречия в предложенных реконструкциях, в общем можно утверждать, что древние египтяне различали душу-личность, душу «двойника» и витальную силу. Можно увидеть здесь некоторую аналогию антропологическим взглядам христианской культуры (например, у Григория Нисского, где есть душа-личность, дух, связанный с высшими способностями души, и некая витальная субстанция, умирающая со смертью тела), которые могут быть объяснены одинаковым ходом рефлексии над природой человека и основными составляющими его психики.

Специфика раннехристианских представлений о загробном существовании души заключается в существовании представлений о частном и общем (апокалипсическом) Суде Божьем. В соответствии с этим необходимо различать христианские представления о судьбе души умершего непосредственно после смерти (частная эсхатология) и представления о будущих судьбах всего человечества (общая эсхатология), которые получили общекультурные оформления и повлияли на другие формы культуры, в частности, искусство.

Можно говорить о выраженной полиинтерпретативности ранних христианских представлений на предтеологическом этапе развития. Такие представления характерны для лиминальной культуры. Процесс складывания новой картины мира на начальном этапе неизбежно приводит к одновременному функционированию противоположных культурных форм. Эсхатологические настроения, ожидание второго пришествия Христа в ближайшем будущем делали на данном этапе развития культуры необходимость разработки четкой теологической концепции неактуальной.

Такие древние типы культуры, как древнеегипетская культура, будучи по своей сути традиционными и мифологическими, имели в своей структуре сход-

ные комплексы представлений о смерти и посмертной участи души. Приверженцы многих религиозных концепций полагали, что по разлучении души человека с телом начинается долгое её путешествие по загробным мирам, с преодолением ряда препятствий и испытаний.

Представления об *испытаниях* при переходе от одного региона загробного мира к другому (в христианской традиции они называются *мытарствами*) очень широко распространены в раннехристианской литературе, особенно в агиографии и апокрифах. Однако стоит отметить, что на данном этапе развития культуры теология и догматика находятся ещё в стадии формирования и относительно ранних христианских текстов можно говорить не о теологии как таковой, а скорее о записи откровений в преддверии теологической оценки. В древнеегипетских представлениях о загробном Суде над душой центральное место занимает концепция так называемой «Исповеди отрицания» (125 глава «Книги мёртвых»), основанная на представлении о *магизме* слова. Душа, пришедшая на суд Осириса должна перечислить целый список грехов, тех, которые она якобы не совершала, и затем список имён божеств, ответственных за конкретное прегрешение.

В раннехристианской культуре намечается чёткое соответствие характера наказания от характера прегрешения, которое совершил человек. В древнеегипетской традиции грешник наказывается не за конкретные грехи, а вообще, поэтому отсутствует дифференциация наказания в соответствии с тяжестью прегрешения.

Подчёркнутая материальность рая древних египтян – следствие общих представлений древневосточной языческой культуры о материальном достатке как знаке особой милости богов. Такие представления характерны и для ранних книг Ветхого Завета, где богатство выступает как благословение Бога. Данные воззрения спроецированы на образ египетского рая, в то время как христиане делали основной акцент на нематериальную составляющую.

Во втором параграфе «Сравнительно-культурологическая интерпретация общезсхатологических представлений в религиозной культуре древних египтян

и ранних христиан» выявлены особенности и места соприкосновений в воззрениях древних египтян и ранних христиан на конечные судьбы мира.

Христианство позиционирует себя как религию высшего и универсального откровения. Откровение формирует христианский дискурс как его постоянную контекстную актуализацию. Важно отметить, что и христианские и древние языческие дискурсы развивались в историческом и социальном контексте, однако преимущественно христианский имеет ярко выраженное эсхатологическое измерение. По мнению А.М. Прилуцкого, временные и вечные аспекты соединяются в христианском откровении, так как они подразумевают эсхатологическое завершение творения и направлены в царство будущего века. Таким образом, христианский дискурс развёртывается во временном и вечном.

В лиминальных условиях взаимного переплетения религиозных идей иудаизма, других древневосточных верований и распространявшегося в эллинистическую эпоху христианства с позднеантичной философской традицией получила бурное развитие экзегетическая деятельность. Обнаружив стремление к религиозно-философскому синтезу, она также оказала влияние на развитие герменевтической теории и практики, да и вообще на становление средневекового мышления.

Для ранних христиан было характерно напряжённое ожидание скорого конца света. Именно поэтому в религиозной литературе начала эры, посвящённой загробному миру, получила детальную разработку тема эсхатологических представлений, отражающих живое, экзистенциально окрашенное напряжение, не тяготеющее к спокойному абстрагированию. Однако и здесь мы наблюдаем качественную переработку и реинтерпретацию сюжетов и образов нескольких древневосточных культов и в частности древнеегипетской религии. Иногда встречаются почти дословные пересказы авторами апокрифов отрывков из древнеегипетской «Книги мёртвых». Это говорит о том, что древние тексты в непосредственной или опосредованной форме дошли до составителей христианской литературы, были ими усвоены и переработаны для нужд молодой религии. Примеры параллелей в религиозной символике (участники Суда, атрибу-

тика, цветовая символика и т.д.) указывают наряду с прочим на связи раннехристианской и древнеегипетской культур. Однако структурные параллелизмы двух культурных контекстов получили различное акцентирование. Общеэсхатологические представления ранних христиан имели более сложную, чем у египтян, структуру с огромным количеством элементов и образно-натуралистических условностей. Это объясняется тесной взаимосвязью раннехристианской эсхатологии с эсхатологическими представлениями Ветхого Завета, для которых такая риторика была обычной, нормативной. Вместе с тем, большое количество древнеегипетских текстов, дошедших от многотысячелетнего развития египетской религии, позволяют сделать репрезентативную выборку фрагментов, содержащих элементы характерных параллелизмов эсхатологических представлений этой древней культуры.

В заключении диссертации подведены итоги и суммированы положения работы, намечены перспективы развития темы.

В результате проведённого комплексного культурологического исследования нами установлено, что раннехристианская культура относится к числу лиминальных (пороговых) культур, для которых характерен переход от одних типов культурных практик к другим и от одного мировоззрения к другому. Это период смены культуры мифологического типа культурой теологического типа, а, кроме того, это период «плавильного котла», в котором соединялись лучшие элементы нескольких культур, образуя культурный синтез. На формирование раннехристианской эсхатологии преимущественное влияние оказали ветхозаветные и древнеегипетские представления, которые, попав в принципиально новый культурный контекст (особенно это относится к культурным представлениям Древнего Египта) получили *принципиально новую культурную интерпретацию*, что позволил нам выявить применённый реконструктивно-герменевтический метод. Представления древнеегипетской духовной культуры претерпели реинтерпретацию с отходом от мифологического видения мира, но в лиминальный период мифологическая образность в значительной степени ещё продолжала сохраняться, отразившись в некоторых новозаветных текстах.

Структурные параллелизмы получили совершенно противоположную трактовку в разных культурных контекстах. У древних египтян, по сравнению с представлениями ранних христиан, загробное пространство представляло собой более сложную структуру с огромным количеством вертикально и горизонтально расположенных миров, а переход души по ним определялся скорее магическими ритуалами, а не личной праведностью.

Раннехристианские представления подытожили и по-новому интерпретировали многовековое развитие эсхатологических представлений, происходившее в древнем Египте и в других странах древнего Востока.

К основным перспективам дальнейшего исследования относятся: создание методологии исследования разноплановых религиозных культур древности с учётом системных связей с контекстом культуры; выявление и изучение различных моделей интерпретации сходных эсхатологических представлений в контексте мифологической культуры и культуры теологического типа; выявление параллелизма элементов древнеегипетских и раннехристианской эсхатологии, нерассмотренных в данной работе.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. *Воробьёв А.В.* Мировоззренческий параллелизм древнеегипетской и раннехристианской культур на примере представлений о посмертном путешествии человеческой души // Вопросы культурологии. 2011. №4. С.33-37.

2. *Воробьёв А.В.* Древнеегипетские и раннехристианские эсхатологические тексты: текстологические параллели // Вестник ТвГУ. 2011. № 6. Серия: История. Вып. 1. С. 106-114.

3. *Воробьёв А.В.* Эволюция древнеегипетских представлений об организации потустороннего пространства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. №4 (10). Ч.1. С. 36-39.

Статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов и материалов научных конференций:

4. *Воробьев А.В.* Горизонтальная организация пространства в древнеегипетской храмовой архитектуре Нового царства // Альманах «Архетипические исследования» (электронный журнал). Приложение к Международному журналу «Spirit of time» («Дух времени»). 2010. Октябрь. Выпуск 2. URL: <http://www.kafedramtai.ru/almanac/246-issue-2.html>
5. *Воробьев А.В.* Древнеегипетский храм периода Нового царства как «осевой» объект культуры // Мировоззренческие универсалии как фундаментальное основание образования: сборник трудов. Клин: РГСУ, 2010. С.104-116.
6. *Воробьев А.В.* Символика вертикальной структуры мира в древнеегипетской и раннехристианской культурах // Вестник Тверского государственного университета. № 31. 2010. Серия «Филология» (Лингвистика и межкультурная коммуникация). Выпуск 6. 2010. С.32-39.
7. *Воробьев А.В.* Текстологические параллели тематики Страшного Суда в древнеегипетских и раннехристианских религиозных текстах // Слово: Сборник научных работ студентов и аспирантов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. Вып.8. С.6-10.